

Автор - Таина Ким, Харьков (Украина).

Возвращение домой

За виртуозами былого –
красот, длиннот, словесной вязи –
крадись, в надежде вызнать слово,
по проходным дворам фантазий.
Майя Шварцман

Когда придёт на чай непарадокс
и гению в тебе ломает кости,
ты, взяв луну на длинный поводок,
иди смелей от Диккенса до Остин
по лондонским бульварам и дворам,
по временным ступеням тайных лестниц,
ведущих к отворившимся дверям
в миры фантазий Геймана и Лессинг.

Под чопорность напыщенных балов,

под мнимый крик набашенных гаргулий
твой гений без присмотра докторов
найдёт слова, значения прогуглив.
Читатель восторгнется от красот,
широт, длиннот его словесной порки,
а после, шумно выдохнув – my God! –
до дыр зачтёт про рыцарей и орков.

Но если гений дрогнул и замолк,
прислушиваясь, как негромко стонут
в нём полудостоевский, полублок,
заблудшие в туманах Альбиона,
беги в Москву (Самару, Магадан...),
с цепи спустив луну над отчим домом,
лови слова и складывай в карман,
шагая от Пелевина к Толстому...

Бумажный бог

И бьют часы, и стрелками секут
Не для того, чтоб о душе напомнить,
А фаршем человеческим наполнить
Бездонное зияние секунд.
Игорь Царёв

Орудует в лесу бензопилой
бумажный бог, хлебая дни из фляги.
Он гробит древесину для бумаги,
сомкнув уста в ухмылке ледяной.
И мастерит из каждого листа
не моцартов, не рильке, не магриттов,
а биомусор, выгодный для сбыта
и на погост, и в злачные места.

В шуршащей массе умственных калек,
надев пустую голову на плечи,
бумажный бесхребетный человек,
ломается о пластиковый век.
Он числится под именем «никто»
среди таких же хлипких оригами.
Его вперёд бумажными ногами
несёт в забвенье бледный конь в пальто.

В то время как планета на спине
китов своих катает неустанно,
бумажный бог в бездонные карманы

укладывает куши пожирней.
Бегут минуты, стрелки наострив.
Пытается эпоха встать с карачек...
Безумный мир в хронической горячке
ещё не мёртв, но будто и не жив.

Дон Педро

□□□□□□□□ *Рушится, рушится мир, как афера,*
□□□□□□□□ *Вера – не та, и владыки – не те.*
□□□□□□□□ *И разгорается свет Люцифера,*
□□□□□□□□ *Чтобы Христос не плутал в темноте.*
□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□ □ *Михаил Анищенко-Шелехметский*

У дона Педро полувзрослые дети
тусят в лондонах и парижках.
Сам дон Педро, похожий на плюшевого медведя,
имеет грыжу, наел диабет,
нажил недвижимость где-то в Испании
(по слухам – на Бали),
конфетный заводик и партию,
члены которой его за...долбали.
Дон Педро любит удить осетров
в собственном маленьком море.
Сядет под вечер на берегу,
закинет невод, затянет «Ой там, на горі...»
Пару банок икорки выловив,
ковыляет в хибарку свою о двух гектарах,
валится в кресло и диктует фантасту знатному
правдивые мемуары.
Дон Педро дружит с рокфеллерами,
но ручкается (по сценарию) со смердами...
В общем, жизнь у него далеко не сахарная,
а тоска смертная...

*

Стучит свистящий ветер веткой тонкой
в окно, где скоротечно зреет онко.
А время сквозь отверстие иглы
под взглядом по-ребячески пытливым
перетекает в вену торопливо
и пахнет, как лимонная полынь.
Кривит душою док, что всё в порядке.
Сентябрь рисует в призрачной тетрадке
кораблик, на котором поплывёт

мальчишка из палаты номер восемь
в последнюю непознанную осень
пока не остановит реки лёд...

*

Мама ребёнка криком колотит в двери строения,
размером с дворец:

– Дон Педро, ответьте!

Оплатите лечение ради Христа!

Вы ведь поймёте, у вас тоже есть дети!

В окружении мускулистых клыкастых
дрессированных молодцов

дон Педро выступает навстречу,
натянув участие на расплывшееся лицо.

– Что, слуги народа не в силах помочь? –
сочувственно машет породистой головой –
Ничего, Бог поможет! Завтра же в храме
помолимся всей семьёй.

Вера – она посильнее монеты.

Делает повелительный знак обслуге.

Подносят коробку...

– Вот вам конфеты.

